Ганс Христиан Андерсен

Соловей

В Китае, как ты, наверное, знаешь, и сам император китаец, и все его подданные китайцы. Давным-давно это было, но потому-то и стоит рассказать эту историю, пока она еще не совсем позабыта.

Во всем мире не нашлось бы дворца лучше, чем у китайского императора. Он весь был из драгоценного фарфора, такого тонкого и хрупкого, что и дотронуться страшно. В саду росли диковинные цветы, и к самым лучшим из них были привязаны серебряные колокольчики. Они звенели, чтобы никто не прошел мимо, не заметив цветов. Вот как хитро было придумано!

Сад тянулся далеко-далеко, так далеко, что и сам садовник не знал, где он кончается. За садом был чудесный лес с высокими деревьями и глубокими озерами, и доходил он до самого синего моря. Большие корабли могли заплывать прямо под ветви, и здесь, у самого берега моря, жил соловей. Пел он так дивно, что его заслушивался даже бедный рыбак, у которого и без того дел хватало.

Со всех концов света приезжали в столицу императора путешественники; все они дивились дворцу и саду, но, услышав соловья, говорили: "Вот это лучше всего!" Вернувшись домой, они рассказывали об увиденном. Ученые описывали в книгах столицу, дворец и сад императора и никогда не забывали о соловье — его хвалили особенно; поэты слагали чудесные стихи о соловье, живущем в лесу у синего моря.

Книги расходились по всему свету, и некоторые дошли до самого императора. Он сидел в своем золотом кресле, читал и каждую минуту кивал головой — очень уж приятно было читать похвалы своей столице, дворцу и саду. "Но соловей лучше всего!" — стояло в книге.

— Как! — сказал император. — Что за соловей? Ничего о таком не знаю! Неужто в моей империи, и даже в моем собственном саду, есть такая птица, а я о ней ничего не слыхал? И вот приходится вычитывать такое из книг!

И он послал за своим первым министром. Тот был такой важный, что если кто-нибудь чином пониже осмеливался заговорить с ним или спросить о чем-либо, он отвечал только: "П!" — что ровно ничего не значит.

— Говорят, у нас есть замечательная птица по имени соловей, — сказал император. — Говорят, лучше ее нет ничего в моем государстве. Почему мне ни разу о ней не докладывали?

— Никогда не слыхал такого имени, — сказал министр. — Наверное, она не была представлена ко двору!..

— Желаю, чтобы она явилась во дворец и пела предо мной сегодня же вечером! — сказал император. — Весь свет знает, что у меня есть, а я не знаю!

— Никогда не слыхал такого имени! — повторил министр. — Будем искать, разыщем!

А где ее разыщешь?

Министр бегал вверх и вниз по лестницам, по залам и коридорам, но никто из придворных, к которым он обращался, ничего не слыхал о соловье. Тогда министр снова прибежал к императору и заявил, что сочинители, верно, рассказывают сказки.

— Ваше императорское величество! Не верьте всему, что пишут в книгах! Все это одни выдумки, так сказать, черная магия!

— Но ведь книга, в которой я прочел о соловье, прислана мне могущественным императором Японии, в ней не может быть неправды! Хочу слышать соловья! Он должен быть здесь сегодня вечером! Объявляю ему мое высочайшее благоволение! А если его не будет, весь двор, как отужинает, будет бит палками по животу!

— Цзин-пе! — сказал первый министр и снова забегал вверх и вниз по лестницам, по залам и коридорам, а с ним вместе забегала и половина придворных — уж больно им не хотелось, чтобы их били палками по животу. И все лишь об одном и спрашивали: что это за соловей, которого весь

свет знает и только при дворе никто не знает.
Наконец на кухне нашли одну бедную девочку. Она сказала:
— Господи! Как не знать соловья! Вот уж поет-то! Мне позволено относить по вечерам моей бедной больной матушке остатки от обеда. Живет она у самого моря. И вот когда на обратном пути я устану и присяду отдохнуть в лесу, я слушаю соловья. Слезы так и потекут из глаз, а на душе-то так радостно, словно матушка целует меня!
— Девочка, — сказал министр, — я зачислю вас на должность при кухне и исхлопочу вам позволение посмотреть, как кушает император, если вы проведете нас к соловью. Он приглашен сегодня вечером к императору!
И вот все отправились в лес, в котором жил соловей. Шли они, шли, как вдруг замычала корова.
— О! — сказал камер-юнкер. — Вот он! Какая, однако, сила у такого маленького создания! Мне определенно уже доводилось слышать его!
— Нет, это корова мычит! — отвечала маленькая кухарка. — А нам еще далеко идти!
Вот в пруду заквакали лягушки.
— Восхитительно! Восхитительно! — сказал придворный священник. — Теперь я его слышу! Точь-в-точь как малые колокола!
— Нет, это лягушки! — отвечала маленькая кухарка. — Но теперь, пожалуй, скоро услышим и его!
И вот запел соловей.
— Вот он! — сказала девочка. — Слушайте! Слушайте! А вон и он сам!
И она указала на серенькую птичку среди ветвей.
— Возможно ли! — сказал министр. — Никак не воображал его себе таким! Уж больно простоват на вид! Верно, он стушевался при виде стольких знатных особ.
— Соловушка! — громко крикнула девочка. — Наш милостивый император хочет, чтобы ты ему спел!
— С величайшим удовольствием! — отвечал соловей и запел так, что любо-дорого было слушать.
— Совсем как стеклянные колокольчики! — сказал министр. — Смотрите, как он старается горлышком! Просто удивительно, что мы не слышали его раньше! Он будет иметь огромный успех при дворе!
— Спеть ли мне еще для императора? — спросил соловей. Он думал, что император был тут.
— Мой несравненный соловушка! — сказал министр. — Имею приятную честь пригласить вас на имеющий быть сегодня придворный праздник. Не сомневаюсь, что вы очаруете его императорское величество своим восхитительным пением!
— Меня лучше всего слушать в лесу! — сказал соловей, но все же охотно подчинился воле императора и последовал за придворными.
А дворец-то как украшали! Фарфоровые стены и пол сверкали тысячами золотых фонариков, в проходах были выставлены самые лучшие цветы с колокольчиками. Беготни и сквозняку было куда как много, но все колокольчики звенели так, что ничего не было слышно.
Посреди огромного зала, где сидел император, установили золотой шест для соловья. Весь двор был в сборе, а маленькой кухарке дозволили стать в дверях — ведь она уже была в звании придворной поварихи. Все надели свои лучшие наряды, и все глядели на маленькую серую птичку, а император кивнул ей головой.
И соловей запел так дивно, что у императора слезы набежали на глаза, и тогда еще краше запел соловей, и песнь его хватала за сердце. Император был очень доволен и хотел пожаловать соловью свою золотую туфлю на шею. Но соловей с благодарностью отказался:
— Я видел на глазах императора слезы, и для меня нет ничего драгоценнее! Слезы императора-это

ведь настоящее чудо! Я награжден с избытком!
И он вновь запел своим дивным, сладостным голосом.
— Ах, очаровательнее кокетства и помыслить нельзя! — говорили придворные дамы и стали набирать в рот воды, чтобы булькать, когда с ними кто-нибудь заговорит. Им казалось, что тогда они сами будут похожи на соловья. Даже слуги и служанки объявили, что они довольны, а ведь это немало — угодить им труднее всего. Да, соловей положительно имел успех.
Его определили при дворе, отвели ему собственную клетку и разрешили гулять два раза днем и один раз ночью. К нему приставили двенадцать слуг, и каждый держал его за привязанную к лапке шелковую ленточку. И прогулка была ему не в прогулку.
Весь город говорил об удивительной птице, и когда двое знакомых встречались, один сейчас же говорил: "соло", а другой доканчивал: "вей!" — и оба вздыхали, поняв друг друга. А еще именем соловья были названы одиннадцать сыновей мелочных торговцев, хотя всем им слон на ухо наступил.
И вот однажды императору пришел большой пакет с надписью: "Соловей".
— Не иначе как еще одна книга о нашей знаменитой птице, — сказал император.
Но это была не книга, а шкатулка с затейливой штучкой — искусственным соловьем. Он был совсем как настоящий и весь отделан алмазами, рубинами и сапфирами. Заведешь его — и он мог спеть песню настоящего соловья, и его хвост при этом так и ходил вверх и вниз, отливая золотом и серебром. На шее у него была ленточка с надписью: "Соловей императора Японии ничто по сравнению с соловьем императора китайского".
— Какая прелесть! — сказали все в один голос, и того, кто принес искусственного соловья, тотчас утвердили в звании "обер-поставщика соловьев его величества".
— Теперь пусть-ка споют вместе, интересно, выйдет у них дуэт?
И им пришлось спеть вместе, но дело на лад не пошло: настоящий соловей пел по-своему, а искусственный — как шарманка.
— Он не виноват, — сказал придворный капельмейстер. — Он отлично выдерживает такт и поет строго по моей методе!
И вот искусственного соловья заставили петь одного. Он имел не меньший успех, чем настоящий, но был куда красивее, весь так и сверкал драгоценностями!
Тридцать три раза пропел он одно и то же и не устал. Все были не прочь послушать его еще раз, да тут император сказал, что теперь должен спеть немного и настоящий соловей.
Но куда же он делся? Никто и не заметил, как он выпорхнул в открытое окно и улетел в свой зеленый лес.
— Что же это такое? — сказал император, и все придворные возмутились и назвали соловья неблагодарным.
— Все равно тот соловей, что остался у нас, лучше, — сказали они, и искусственному соловью пришлось петь опять, и все в тридцать четвертый раз услышали одну и ту же песенку. Однако придворные так и не запомнили ее наизусть, такая она была трудная. А капельмейстер знай нахваливал искусственного соловья и утверждал даже, что он лучше настоящего не только нарядом и чудесными алмазами, но и внутренним своим складом.
— Изволите видеть, ваше величество, и вы, господа, про живого соловья никогда нельзя знать наперед, что он споет, а про искусственного можно! Именно так, и не иначе! В искусственном соловье все можно понять, его можно разобрать и показать человеческому уму, как расположены валики, как они вертятся, как одно следует из другого!..
— И я тоже так думаю! — в голос сказали все, и капельмейстер получил разрешение в следующее же воскресенье показать искусственного соловья народу.

— Пусть и народ послушает его! — сказал император.
И народ слушал и остался очень доволен, как будто вдоволь напился чаю — это ведь так по-китайски. И все говорили: "О!" — и поднимали в знак одобрения палец и кивали головами. Только бедные рыбаки, слышавшие настоящего соловья, говорили:
— Недурно и очень похоже, да вот чего-то недостает, сами не знаем чего.
Настоящего соловья объявили изгнанным из пределов страны, а искусственный занял место на шелковой подушке у постели императора. Вокруг него лежали преподнесенные ему подарки, а сам он был возведен в звание "певца ночного столика его императорского величества номер один слева", потому что самым почетным император считал место, где расположено сердце, а сердце расположено слева даже у императоров. А капельмейстер написал об искусственном соловье ученый труд в двадцати пяти томах, полный самых трудных китайских слов, и придворные говорили, что прочли и поняли его, не то они показали бы себя дураками и были бы биты палками по животу.
Так прошел год. Император, придворные и все прочие китайцы знали наизусть каждое коленце в песне искусственного соловья, но как раз поэтому он им и нравился. Теперь они и сами могли подпевать ему. "Ци-ци-ци! Клюк-клюкклюк!" — распевали уличные мальчишки, и то же самое напевал император. Ах, что за прелесть!
Но вот однажды вечером искусственный соловей пел во всю мочь, а император лежал в постели, слушая его, как вдруг внутри соловья что-то щелкнуло, колесики побежали впустую, и музыка смолкла.
Император сейчас же вскочил с постели и послал за своим лейб-медиком, но что тот мог поделать? Призвали часовщика, и после длинных разговоров и долгих осмотров он кое-как подправил соловья, но сказал, что его надо поберечь, потому как шестеренки поистерлись, а поставить новые, так, чтобы музыка шла по-прежнему, невозможно. Ах, какое это было огорчение! Теперь соловья заводили только раз в год, и даже это казалось чересчур. А капельмейстер произнес краткую речь, полную всяких умных слов, — дескать, все по-прежнему хорошо. Ну, значит, так оно и было.
Прошло пять лет, и страну постигло большое горе: все так любили императора, а он, как говорили, заболел, и жить ему осталось недолго. Уже подобрали и нового императора. На улице стоял народ и спрашивал первого министра, что с их прежним повелителем.
— П! — только и отвечал министр и покачивал головой.
Бледный и похолодевший лежал император на своем пышном ложе. Все придворные решили, что он уже умер, и каждый спешил на поклон к новому владыке. Слуги выбегали из дворца поболтать об этом, а служанки приглашали к себе гостей на чашку кофе. По всем залам и проходам расстелили ковры, чтобы не слышно было шума шагов, и всюду было так тихо, так тихо... Только император еще не умер. Закоченевший и бледный лежал он на пышном ложе под бархатным балдахином с тяжелыми золотыми кистями. А с высоты в открытое окно светила на императора и искусственного соловья луна.
Бедняга император дышал с трудом, и казалось ему, будто на груди у него кто-то сидит. Он открыл глаза и увидел, что на груди у него сидит Смерть. Она надела его золотую корону и держала в одной руке его золотую саблю, в другой его славное знамя. А вокруг из складок бархатного балдахина выглядывали диковинные лица, одни гадкие и мерзкие, другие добрые и милые: это смотрели на императора все его злые и добрые дела, ведь на груди у него сидела Смерть.
— Помнишь? — шептали они одно за другим. — Помнишь? — И рассказывали ему столько, что на лбу у него выступил пот.
— Я об этом никогда не знал! — говорил император. — Музыки мне, музыки, большой китайский барабан! — кричал он. — Не хочу слышать их речей!

А они продолжали, и Смерть, как китаец, кивала головой на все, что они говорили.
— Музыки мне, музыки! — кричал император. — Пой хоть ты, милая золотая птичка, пой! Я одарил тебя золотом и драгоценностями, я собственноручно повесил тебе на шею свою золотую туфлю, пой же, пой!
Но искусственный соловей молчал — некому было завести его, а иначе он петь не мог. А Смерть все смотрела и смотрела на императора своими большими пустыми глазницами, и было так тихо, страшно тихо...
И вдруг раздалось чудесное пение. Это пел живой соловей. Он сидел за окном на ветке, он прослышал про болезнь императора и прилетел утешить и ободрить его своей песней. Он пел, и призраки все бледнели, кровь все убыстряла свой бег в слабом теле императора, и даже сама Смерть слушала соловья и повторяла:
— Пой, соловушка, пой еще!
— А ты отдашь мне золотую саблю? И славное знамя? И корону?
И Смерть отдавала одну драгоценность за другой, а соловей все пел. Он пел о тихом кладбище, где цветут белые розы, благоухает сирень и свежая трава увлажняется слезами живых. И Смерть охватила такая тоска по своему саду, что она холодным белым туманом выплыла из окна.
— Спасибо, спасибо, чудесная птичка! — сказал император. — Я не забыл тебя! Я изгнал тебя из страны, но ты все же отогнала от моей постели ужасные призраки, согнала с моей груди Смерть. Как мне наградить тебя?
— Ты уже вознаградил меня! Я исторг у тебя слезы в первый раз, когда пел перед тобою, — этого я никогда не забуду! Нет награды дороже для сердца певца. Ну, а теперь спи и просыпайся здоровым и бодрым! Я спою для тебя.
И он запел, и император заснул сладким сном. Ах, какой спокойный и благотворный был этот сон! Когда он проснулся, в окно уже светило солнце. Никто из слуг не заглядывал к нему, все думали, что он умер. Один соловей сидел у окна и пел.
— Ты должен остаться со мной навсегда! — сказал император. — Будешь петь, только когда сам захочешь, а искусственного соловья я разобью вдребезги.
— Не надо! — сказал соловей. — Он сделал все, что мог. Пусть остается у тебя. Я не могу жить во дворце, позволь лишь прилетать к тебе, когда захочу. Тогда я буду садиться вечером у твоего окна и петь тебе, и моя песнь порадует тебя и заставит задуматься. Я буду петь о счастливых и несчастных, о добре и зле, укрытых от твоих глаз. Певчая птичка летает повсюду, наведывается и к бедному рыбаку и к крестьянину — ко всем, кто живет далеко от тебя и твоего двора. Я люблю тебя за твое сердце больше, чем за корону. Я буду прилетать и петь тебе! Но обещай мне одно...
— Все что угодно! — сказал император и встал во всем своем царственном убранстве — он сам облекся в него, а к груди он прижимал свою тяжелую золотую саблю.
— Об одном прошу я тебя: не говори никому, что у тебя есть маленькая птичка, которая рассказывает тебе обо всем. Так дело пойдет лучше.
И соловей улетел.
Слуги вошли поглядеть на мертвого императора — и застыли на пороге, а император сказал им:
— С добрым утром!